

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 16–27.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 4 (20). P. 16–27.

Научная статья
УДК 93/94(470.312)(075.4)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-16-27>

БРАКИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТУЛЬСКОГО И ЕФРЕМОВСКОГО КУПЕЧЕСТВА 1850-Х ГГ.: РАСЧЕТ, НУЖДА ИЛИ ЧУВСТВО?

***Ирина Николаевна
Лобачева***

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, irina3478@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7202-0228>

Аннотация. В статье на основании анализа метрических книг двух городов Европейской части России анализируется ряд характеристик брачного поведения провинциального купечества (средний возраст вступления в брак, сословная принадлежность брачных партнеров, возможные мотивы заключения брака). Показано, что браки с равным по своей социальной принадлежности партнёром заключались в более раннем возрасте. Представлена география брачных связей купечества Тулы и Ефремова. Установлено, что в рассматриваемый период значительная часть браков заключалась купечеством за пределами своей социальной группы. Представлены доли браков, заключенных купеческими мужчинами и купеческими женщинами с оружейниками, дворянами, мещанами, крестьянами и др. Показано, что купеческие женщины в более крупных городах реже вступали в неравные браки по сравнению с купеческими мужчинами. Выдвинуто предположение, что основной причиной, вынуждавшей значительную долю купеческих женщин из уездного города вступать в неравные браки, была относительная узость «брачного рынка» в небольших городах. Приведен ряд примеров других факторов, оказывавших влияние на заключение брака с партнером из менее привилегированной социальной группы. Проанализированы ситуации, в которых, по мнению автора, представители купечества не руководствовались расчетом при заключении брака. Сделано предположение, что возможность установления родственных связей друг с другом посредством брака для купеческих семейств могла быть не менее значима, нежели финансовое благосостояние брачного партнера.

Ключевые слова: купечество, оружейники, мещанство, Тульская губерния, гендер, межсословный брак.

Для цитирования: Лобачева И. Н. Браки представителей тульского и ефремовского купечества 1850-х гг.: расчет, нужда или чувство? // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 16–27. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-16-27>

Сведения об авторе: И. Н. Лобачева – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Лобачева И. Н., 2024

Scientific Article
UDC 93/94(470.312)(075.4)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-16-27>

MARRIAGES BETWEEN MERCHANT REPRESENTATIVES FROM TULA AND EFREMOV IN THE 1850S: CONVENIENCE, NEED OR SENTIMENTS?

Irina N. Lobacheva

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, irina3478@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7202-0228>

Abstract. The article analyzes the characteristics of provincial merchants' marital behavior (average age of marriage, class affiliation of marriage partners, possible motives for marriage) based on the analysis of two European Russian cities' metric books. The author shows that marriages with a socially equal partner were arranged at an earlier age and presents the geography of marriage relations of the Tula and Efremov merchants. In the period under consideration a significant part of marriages were concluded by merchants outside their social group. The shares of marriages arranged by merchant men and merchant women with gunsmiths, nobles, burghers, peasants, etc. are presented. The study shows that merchant women in larger cities were less likely to enter into unequal marriages compared to merchant men. The author suggests that the main reason for forcing a significant proportion of merchant women from a district town to enter into unequal marriages was the relative narrowness of the "marriage market" in towns. The author gives a number of examples of other factors that influenced the conclusion of marriage with a partner from a less privileged social group. In the author's opinion, representatives of the merchant class did not always enter into marriages of convenience and the possibility of establishing kinship ties with each other through marriage could be no less important for merchant families than the financial well-being of the marriage partner.

Keywords: merchants, gunsmiths, bourgeoisie, Tula Governorate, gender, morganatic marriage.

For citation: Lobacheva, IN 2024, 'Marriages Between Merchant Representatives from Tula and Efremov in the 1850s: Convenience, Need or Sentiments?', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (20), pp. 16–27, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-16-27> (in Russ.)

Information about the Author: *Irina N. Lobacheva* – Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

В наши дни вопрос влияния процессов урбанизации на брачно-семейное поведение оказывается в центре внимания политиков, социологов, философов, историков. Это обуславливает возрастающий интерес к сравнительному изучению сельских и городских групп населения в их исторической динамике. Купечество как специфичная группа внутри городского сословия вызывает особый интерес в контексте изучения брачного поведения горожан. Прежде всего, «открытость» этой привилегированной группы (в состав купечества мог вступить практически любой совершеннолетний подданный Российской империи независимо от социального происхождения и пола, просто уплатив определённый денежный взнос) предоставляет исследователям широкие возможности по изучению процессов социальной мобильности в обществе, а также особенности их протекания для различных сословий. Вместе с тем факт привилегированности этой группы, а также ведения значительной ее частью торгово-производственной деятельности, делает для нее при выборе брачного партнера актуальной не только экономическую целесообразность, но и престижность заключаемого союза, а также установление деловых связей.

Таким образом, более пристальное изучение матримониального поведения купечества позволяет нам как минимум ответить на вопросы: как изменялись и изменялись ли такие характеристики браков, заключаемых в купеческой среде, как возраст вступления в брак и социальная принадлежность брачного партнера? Определенные возможности открываются и для исследования интереснейшей, но крайне сложной для объективного анализа проблемы такого явления, как браки «по расчету». В изучении деловой стороны жизни городского сословия также нельзя обойтись без столь значимого и по сей день аспекта, как роль семейных связей. Наконец, исследование брачных союзов купеческих семей может дать дополнительную информацию для изучения закономерностей формирования и функционирования групп, претендующих на элитарность.

Серьезное исследование брачного поведения различных групп горожан второй половины XIX в. было предпринято Г. В. Жирновой. В ее книге «Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем», опубликованной в 1980 г., рассматривались, в частности, такие аспекты, как средний возраст вступления в брак женщин и мужчин, а также социальная принадлежность супругов. Эти данные были собраны Галиной Васильевной путем анализа метрических записей ряда городов Средней полосы России. В том числе были использованы метрики уездного города Тульской губернии – Ефремова за период 1877 – 1918 гг. В работе был сделан вывод о том, что купеческие браки, как и дворянские, совершались в подавляющем большинстве случаев внутри своего сословия, «смешанные браки были единичны» за исключением 1917 г. [21, с. 22]. С этим тезисом соглашались некоторые позднейшие исследователи, однако уже с определенными оговорками [24, с. 111; 25, с. 62; 23, с. 33].

Исследователь вятского купечества И. В. Маслова обратила внимание на то, что выбор брачного партнера из своей среды чаще встречался в купеческих семьях, пребывающих в гильдиях уже не одно поколение [28, с. 190–191]. Однако по данным О. А. Задорожной, полученным при изучении брачных связей наиболее именитых купеческих семейств Тобольской губернии конца XVIII – первой четверти XIX в., и во втором, и в третьем поколениях браки с представителями своей социальной группы составляли менее половины как для купеческих сыновей, так и дочерей [22, с. 204–205]. Ю. М. Гончаров в своей монографии констатирует, что и во второй половине XIX в. внутрисословные браки были характерны только для трети купцов городов Сибири [1, с. 192]. Ранее проведенное нами изучение купеческой семьи Тульской губернии также не позволяет говорить о сословной замкнутости местных гильдейцев [27, с. 111]. Таким образом, представляется важным дальнейшее изучение вопроса с

целью, в частности, уточнить, как менялась доля гомогенных (т. е. социально однородных) браков среди провинциального купечества европейской части России.

Материалы и методы

Источником настоящего исследования выступили метрические записи о венчаниях, осуществленных в городских церквях Тулы [11–19] и Ефремова [2–10] за период 1851 – 1860 гг. При этом по Туле за период 1856 – 1860 гг. были собраны все записи о браках, в которых хотя бы одним из партнеров был член купеческого семейства, а за период 1851 – 1855 гг. – лишь частично. По Ефремову были обработаны записи по всем годам указанного периода, кроме 1856 г. Выбор Ефремова был обусловлен, во-первых, наличием вышеуказанного исследования Г. В. Жирновой, открывающего возможности для дальнейшего сопоставления полученных данных, а, во-вторых, относительной многочисленностью купечества в этом городе – наибольшей среди всех уездных городов Тульской губернии (в 1858 г. по Ефремову числилось 172 купеческих семейства, больше было только в губернском центре – 247).

Также необходимо отметить, что определенный процент брачных союзов заключался, вероятно, в сельских церквях соответствующих уездов. Прежде всего, потому, что, хотя купечество и учитывалось по городам, часть его проживала в сельской местности. И, если для Тулы в 1868 г. процент таких купцов – сельских жителей был минимален и составлял около 3 %, то в Ефремовском уезде в селах и деревнях проживала пятая часть представителей купечества [27, с. 70]. Это объяснялось преимущественно сельскохозяйственной ориентацией всех уездных городов Тульской губернии и, в частности, Ефремова, «преуспевающего посредника в сбыте серых хлебов» [30, с. 234]. Таким образом, можно предположить, что, используя в качестве основного источника метрические записи городских церквей, мы смещаем наш фокус внимания именно на ту часть купечества, которая проживала преимущественно в городах.

Результаты

Собранные данные позволили уточнить средний возраст вступления в брак в исследуемый период для купеческих мужчин и купеческих женщин (см. табл. 1). Было установлено, что средний возраст вступающих в первый брак купеческих мужчин в Ефремове составлял 26,4 года, а женщин – 19,7 лет. Несколько старший возраст брачующихся мужчин и женщин из купеческой среды зафиксирован по Туле – соответственно 27,8 и 20,3 лет. Эти данные вполне согласуются с абсолютным брачным возрастом, указанным Г. В. Жирновой для купечества (26 – 35 и 17 – 20 лет) [21, с. 25]. В исследовании Б. Н. Миронова средний возраст жителей относительно небольших городов Российской империи во второй половине XIX в. указан как 24,2 года для мужчин и 21,4 года для женщин, для крупных городов ученый называет более высокие показатели, но уже для начала XX в. [29, с. 169]. Таким образом, в 1850-е гг. купеческие мужчины даже в уездном городе Тульской губернии заключали браки позже, а купеческие женщины – раньше среднестатистической горожанки.

Любопытно следующее наблюдение: в браках, в которых оба партнера происходили из купечества, средний возраст и жениха, и невесты в Туле и в Ефремове был примерно на год ниже среднего возраста жениха и невесты в браках с различным социальным происхождением партнеров. Ранее нами уже было показано, что желание «не упустить выгодного жениха» (т. е. происходившего из купеческой семьи, успешно ведшей коммерческие дела) вынуждало купеческую семью невесты спешить с заключением брака, едва дождавшись достижения дочерью определенного законом возраста [27, с. 98–99]. Вероятно, что появление на горизонте «выгодной» невесты могло поторопить с засылкой сватов и семейство жениха.

**Средний возраст вступления в первый брак
представителей купечества Тулы и Ефремова в 1850-е гг.**

Город	Купеческие браки			Смешанные браки		
	Средний возраст		Разница в возрасте (средн.)	Средний возраст		Разница в возрасте (средн.)
	Жених	Невеста		Жених	Невеста	
Тула	27,2	19,8	7,6	28,7	20,8	8,5
Ефремов	28,2	19,4	8,9	29,1	20,5	8,1

Составлено по: ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 735, 739, 743, 746, 750, 758, 763, 769, 774, 1247, 1248, 1258, 1262, 1263, 1266, 1267, 1270, 1275.

Что касается географии брачных связей купечества Тулы и Ефремова, то в обоих городах только 10 % купечества заключали браки с условно иногородними партнерами. Условно иногородними их можно назвать потому, что значительную их часть составляли люди, хотя и записанные в ту или иную социальную группу по другому уезду или даже губернии, но постоянно проживавшие в рассматриваемых городах. Речь, прежде всего, идет о младших членах купеческих семейств (сыновья и племянники), а также мещанах, занятых в качестве приказчиков в лавках местных торговцев, их женах и детях. Более пристальное изучение региональных особенностей браков тульского и ефремовского купечества позволило установить, что в Туле среди иногородних брачных партнеров преобладали жители Тульской губернии (30 из 35, т. е. 86 %), наиболее часто встречались представители Богородицка, Алексина и Крапивны, т. е. уездов, непосредственно граничивших с Тульским. В Ефремове – городе, расположенном на южной границе губернии, большую часть иногородних брачных партнеров представляли жители других губерний (12 из 19, т. е. 63 %), в особенности г. Ельца соседней Орловской губернии (5 человек).

Проведенное исследование показало, что в 1850-е гг. социально однородные браки составляли менее трети (28 %) в среде тульского купечества и лишь пятую часть от браков купечества Ефремова. В уездном городе купечество имело меньше возможностей для поиска «достойных» в социальном и финансовом отношении брачных партнеров.

Нами был предпринят сравнительный анализ социального происхождения супругов отдельно для купеческих мужчин и купеческих женщин в рассматриваемый период, позволяющий уточнить и дополнить изучаемую картину брачного поведения купечества (см. табл. 2). При такой системе подсчёта оказывается, что в условно однородные браки купеческие мужчины Ефремова вступали заметно чаще, нежели купеческие девушки этого города (55 % против 42 %), в то время как в Туле картина была противоположная, но с меньшим разрывом в показателях (42 % против 46 %). Безусловно, компромисс в выборе брачного партнера был уделом купеческих девушек, чей брачный возраст был жестко ограничен силой традиции (после 25 лет девица признавалась «засидевшейся в невестах») и чья привлекательность для семейства жениха во многом определялась размером приданного. Однако в Туле как крупном городе с более основательной прослойкой зажиточных предпринимателей родители купеческих девушек могли иметь больше возможностей для выбора подходящего зятя.

Особо необходимо выделить такую специфичную для Тулы социальную группу, как оружейники. Мастера Тульского оружейного завода обладали целым рядом привилегий (свобода от рекрутской повинности, от постоя, от «черных» работ и др.). Многие из них занимались предпринимательской деятельностью, а наиболее зажи-

точные из оружейников, владельцы собственных фабрик, имели право увольняться от работ для записи в купечество. Таким образом, по своему положению оружейники были близки купечеству. В рассматриваемый период как минимум пятая часть тульского купечества происходила из этой социальной группы [21, с. 53]. Поэтому браки между купеческими и оружейническими семьями, хотя и были нами выделены в особую группу, могут рассматриваются как союзы близких по социальному статусу людей. В Туле такие союзы составили примерно пятую часть браков как для купеческих мужчин, так и женщин. Закономерно, что в Ефремове, чье купечество было в большей степени ориентировано на деловые и личные связи с представителями других регионов, мы встречаем только один союз с представителем оружейников. Его заключили два овдовевших человека: 41-летний ефремовский купец С. А. Алексеев и 44-летняя оружейница Е. Е. Морозова, имевшая, кстати, родственные связи в среде тульского купечества. Учитывая разницу в возрасте брачующихся, можно предположить, что их брачный союз был обусловлен не только взаимной симпатией жениха и невесты.

Таблица 2

Социальная принадлежность женихов и невест представителей купечества Тулы и Ефремова, вступавших в брак в 1850-е гг.

Социальная принадлежность	Тула				Ефремов			
	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Купечество	47	42,7	47	46,1	28	54,9	28	41,8
Оружейники	24	21,8	23	22,5	1	2,0	0	0,0
Мещане	32	29,1	18	17,6	19	37,3	32	47,8
Чиновники	1	0,9	6	5,9	0	0,0	3	4,5
Дворяне	2	1,8	4	3,9	0	0,0	0	0,0
Духовенство	2	1,8	0	0,0	1	2,0	0	0,0
Крестьяне	1	0,9	3	2,9	1	2,0	3	4,5
Солдаты	1	0,9	1	1,0	1	2,0	1	1,2
<i>ИТОГО</i>	110	100	102	100	51	100	67	100

Составлено по: ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 735, 739, 743, 746, 750, 758, 763, 769, 774, 1247, 1248, 1258, 1262, 1263, 1266, 1267, 1270, 1275.

Весьма распространенными, особенно в небольших городах, были браки купеческих мужчин и женщин с мещанами. Причем вновь можем констатировать, что в Туле в такие союзы чаще вступали мужчины, а в Ефремове – представительницы «слабого» пола, озабоченные устройством своей судьбы в обозначенные традицией сроки. Анализ возраста купеческих невест по Туле позволил нам установить, что только около трети девиц в возрасте, который можно обозначить как «засиделись в невестах» (24 лет и старше) заключали неравные в социальном отношении браки (с мещанами и мелкими чиновниками). В Ефремове же девушки вышеобозначенной возрастной группы в 70 % случаев выходили замуж за жениха из мещан, крестьян или мелких чиновников. Конечно, нужно также учитывать, что у семейства невесты могли быть и иные резоны «не перебирать» женихов. Так, в Ефремове был зафиксирован, весьма вероятно, показательный пример «покупки жениха»: купеческая дочь Е. С. Юрцева в 1852 г. родила ребенка вне брака, а уже в следующем году был заключен ее брак с мещанином И. Я. Головасиным (фамилия неразборчива), который был на 14 лет ее старше. Многие выходящие замуж купеческие девушки были сиротами, приходясь главе капитала внучками или племянницами, а значит, могли не обладать столь уж значимым приданным.

Говоря о весьма распространенных как в Туле, так и в Ефремове союзах купеческих мужчин с мещанками, стоит обозначить целый ряд способствующих им факторов. Так, мещанское семейство, пусть и не выбирая купеческое свидетельство, могло обладать определенным достатком. Как минимум три мещанских семейства по Туле, чьи представительницы заключили браки с купеческими мужчинами, в дальнейшем стали объявлять капиталы. Также было зафиксировано пять случаев по Ефремову и два случая по Туле, когда мещанин, женившийся на девушке из купеческой семьи, через некоторое время вступал в купечество. Возможно, здесь мы видим пример эффективного использования полученного за невестой капитала и установления полезных связей.

Некоторые мещанские семьи, формально не обладая купеческим статусом, могли похвастаться определенными связями. Для более поздних периодов неоднократно фиксировались союзы купеческих семейств с мещанами, в прошлом состоявшими в купечестве. И в Туле, и в Ефремове встречаем ситуации, когда после брака одной мещанской дочери с представителем купеческой семьи, замуж за купца или члена его семейства выходила и вторая (сестры Дагаевы и сестры Пусичевы по Ефремову), а в случае тульских сестер Белоусовых и третья. Таким образом, брак одной сестры с представителем более престижной социальной группы, открывал возможности для успешного замужества и второй.

Вероятно, в каких-то случаях союзов купцов с мещанскими девицами существенную роль играла и личная симпатия жениха и невесты, которая могла входить в противоречие с расчетами купеческого семейства. В этой связи обращает на себя внимание брак с мещанкой 23-летнего тульского купеческого сына А. К. Струкова, поручителями на свадьбе которого были два дьячка, канцелярский служитель и мещанин. Такой состав поручителей был необычен и может свидетельствовать о неодобрении брака среди близких жениха.

В ситуации повторного брака купеческие мужчины, многие из которых были уже зрелого возраста (средний возраст по Туле – 37,1, по Ефремову – 38,4), в случае достижения финансовой независимости, уже могли выбирать невесту, руководствуясь собственными желаниями, а не волей семьи. У вдов такая независимость встречалась реже, что затрудняло им повторное замужество в принципе. И по Туле, и по Ефремову мы видим кратно большее число повторных браков для купеческих мужчин, нежели для купеческих женщин. Интересно другое: по Туле подавляющее большинство купеческих мужчин, вступая в повторный брак, в 77 % случаев выбирали себе жену из своей сословной группы, а женщины – только в половине случаев, однако еще весьма частыми были браки с социально близкими оружейниками. Зато по уездному городу видим иную картину – только в 42 % случаев вдовцом из купеческой семьи заключался брак с купеческой дочерью или вдовой. Обе ефремовские купеческие вдовы вышли замуж за женихов более низкого сословного статуса. Мы склонны искать объяснение этому опять-таки в более представительном составе купечества в крупном городе, позволявшем мужчине найти привлекательную для него кандидатуру среди женщин, равных ему по положению. У уездного купечества было меньше для этого возможностей и, оказавшись перед выбором, как минимум половина купеческих мужчин «выбирала сердцем»: на эту мысль наводит весьма юный возраст многих мещанских невест, вступавших в брак с вдовыми купцами (в среднем 19,8 лет, а для равных браков – 21).

Определенную специфику можно выделить и для браков представителей купечества с крестьянами. Такие браки были эпизодическими для купеческих девушек и Ефремова, и Тулы, и еще более редкими для купеческих мужчин. Вероятно, здесь мы говорим о крестьянах (государственных, казенных, вольноотпущенных и даже дворовых), живших и работавших в городе приказчиками в лавке, а то и ведущих само-

стоятельную мелкую торговлю. Для купеческого семейства, находящегося под угрозой разорения и стремящегося поскорее устроить судьбу своих незамужних представительниц, такой союз, по-видимому, был вполне оправдан. О том, что дело обстояло подобным образом, говорит тот факт, что большинство семей, девушки из которых выходили за крестьян, в скором времени перестали объявлять капиталы. К тому же в двух случаях был зафиксирован еще и весьма зрелый возраст невест (26 и 28 лет). Однако тот факт, что два купеческих зятя из крестьян в дальнейшем сами вступили в купечество, а один из них вел достаточно крупную торговлю (Н. Н. Лукичев в Туле имел три хлебных лавки на одной из центральных улиц города) указывает на то, что при выборе жениха достаток мог быть важнее статуса. Любопытно, что два брачных союза с крестьянами по Ефремову пришлось на одну семью (П. Т. Слемзиной), а в семью женившегося на крестьянке купеческого сына Е. С. Воронова ранее также через брак вошла крестьянская дочь. Возможно, эти купеческие семьи сами происходили из крестьян и сохраняли тесные связи с представителями своей прежней социальной среды.

Что касается браков с мелким чиновничеством, не относящимся к потомственному дворянству, то мы видим, что такие союзы куда больше были характерны для купеческих женщин крупных городов, где управленческий корпус был более многочислен, нежели мелких, и не встречались или почти не встречались в отношении купеческих мужчин. Единственный брак с представительницей чиновничества – вдовой губернского секретаря – заключил тульский купец С. М. Строганов. Ряд признаков позволяет утверждать, что купцом двигал в этом браке расчет: жена была старше мужа на семь лет, вскоре семейство перешло в купечество уездного города, а потом и вовсе покинуло гильдию.

Особняком стоят браки с представителями белого духовенства: мы не встречаем таких союзов для купеческих девушек. Определенно утверждать, что их не было в принципе, нельзя. Традиционно браки заключались в приходе жениха, следовательно, в метриках церквей Тулы и Ефремова могли быть отражены только браки городского духовенства. Однако, учитывая специфику положения священников, можно сказать, что такой союз был крайне маловероятен. Зато в отношении купеческого мужчины, вступавшего в брак с дочерью пономаря или священника, с высокой долей вероятности можно исключить фактор денежного расчета и предположить наличие сильных чувств. Вероятно, именно таким был союз ефремовского купеческого племянника, 38-летнего вдовца Кузина с 16-летней дочерью пономаря. Любопытны обстоятельства и двух других браков. В одном случае невеста тульского купеческого сына М. В. Петрова, П. П. Сахарова, дочь сельского дьячка Крапивенского уезда, оказалась сестрой жены купеческого сына из Мосальска Н. Ф. Коростелева, впоследствии перешедшего в купечество Тулы. Таким образом, вновь видим, как уже созданные родственные связи помогают образоваться новым, причем даже для невест из, на первый взгляд, более чем скромного семейства. Еще один брак, между достаточно юными (22 и 18 лет) женихом – купеческим сыном В. П. Афанасьевым и невестой – В. А. Златоверховниковой, дочерью сельского священника, также, возможно, был заключен не без помощи родни: брат девушки служил в Туле коллежским регистратором. Можно предположить, что именно он познакомил молодых.

Интерес вызывают и редко, но встречавшиеся браки представителей купечества с такой специфической группой, как военные рядового и младшего офицерского состава. Только в одном случае такой брак мог быть определенно продиктован нуждой – за солдатского сына вышла дочь умершего богородицкого купеческого брата М. А. Бритарева, семья которой уже перестала к тому времени объявлять капитал. Зато чем-то помимо чувств сложно объяснить женитьбу купеческих мужчин, 52-летнего вдовца Д. Ф. Ульянова и 40-летнего холостяка Е. Г. Дружинина на, соответ-

ственно, 24-летней дочери прапорщика и 26-летней вдовой солдатке. А вот за браком вдовой 28-летней ефремовской купеческой невестки Н. А. Хариной и 35-летнего фельдфебеля Якутского пехотного полка (который был расквартирован в Ефремове в 1857 – 1863 гг. [20, с. 215] И. Е. Клеопатрова могли стоять как расчет (жених не ранее чем за год до свадьбы вышел в отставку, возможно, планируя жить на капитал супруги), так и искренние чувства (на свадьбе поручителями были исключительно военнослужащие полка, что может свидетельствовать о неодобрении самостоятельного выбора невесты ее окружением).

Примеры восходящей социальной мобильности, к каковым можно отнести брачные союзы с представителями дворянства, были зафиксированы только по губернскому центру. Уездному купечеству, вероятно, часто не хватало капиталов для привлечения внимания женихов и невест из дворянского сословия. Стоит отметить, что как минимум в двух браках с выходцами из дворянства, заключенных представителями тульского купечества в рассматриваемый период, социальная дистанция между супругами фактически была не такой уж большой. Так, Н. В. Страхов женился на дворянке-вдове, в предыдущем браке состоявшей замужем за купцом 1-й гильдии, а А. И. Владимирова вышла за представителя известного в Туле семейства Баташевых, в прошлом купеческого, но приобретшего дворянство. Зато в супругах купеческих дочек Е. И. Засыпкиной, Е. М. Юрищевой и А. С. Даниловой, двух офицеров и одного чиновника, действительно, можно заподозрить охотников за богатым приданым. Несколько особняком стоит брак купеческого сына Н. П. Махалина с дочерью титулярного советника. С одной стороны, к моменту венчания отец невесты уже умер, возможно, семья нуждалась в средствах. С другой стороны, семья Махалиных, насколько можно судить, не занимала видного положения в купечестве Тулы. На крестинах первенца пары его восприемниками не стали родственники ни со стороны мужа, ни со стороны жены. Это может указывать на некий конфликт в семье, например, вследствие неодобрения старшими родственниками мезальянса.

Заключение

Таким образом, продолжая ранее начатое исследование купеческих брачных союзов [26], мы можем подтвердить, что, по крайней мере, в 1850-е гг. представители этой социальной группы, хотя и отдавали предпочтение бракам с членами привилегированных семейств, ведущих сходный образ жизни (купечество, оружейники), на практике весьма часто вступали в браки, смешанные в социальном отношении. В частности, семейства купеческих девушек на союзы с представителями менее статусных социальных групп могло толкать отсутствие «приличного» приданного, возраст невесты, а также такие «форс-мажорные» обстоятельства, как появление внебрачного ребенка. Наличие у жениха или невесты значимого состояния, перспективного бизнеса или родственных связей с представителями купечества могло заставить гильдейцев закрыть глаза на их сословный статус. В частности, по-видимому, распространенным явлением было установление родственных связей одним купеческим семейством с другим в форме своячества. Выбор «достойного» брачного партнера в небольших городах был более затруднен, что обуславливало большее число неравных в социальном отношении союзов среди купеческих девушек. Очевидно, что далеко не все брачные союзы исследуемой социальной группы были продиктованы расчетом. С наибольшей долей вероятности такой резон можно предполагать для брачующихся, вступавших в неравные в сословном отношении союзы, что вовсе не исключает их наличия, причем, в не меньшей степени и среди так называемых купеческих браков. Повторные браки в купеческой среде представляют особый интерес, поскольку в них, с одной стороны, имелась зачастую объективная необходимость в скорейшем заключении брака, а с другой стороны, в меньшей степени сказывался фактор влияния старших членов семьи на выбор брачного партнера.

Список источников и литературы

1. *Гончаров Ю. М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул : Изд-во АГУ, 2002. 384 с.
2. ГУ ГАТО (Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области»). Ф. 3. Оп. 15. Д. 735.
3. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 739.
4. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 743.
5. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 746.
6. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 750.
7. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 758.
8. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 763.
9. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 769.
10. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 774.
11. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 1247.
12. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 1248.
13. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 1258.
14. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 1262.
15. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 1263.
16. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 1266.
17. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 1267.
18. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 1270.
19. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 1275.
20. *Дьяков В. А.* Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856 – 1865 годов : (биобиблиографический словарь). М.: Наука, 1967. 256 с.
21. *Жирнова Г. В.* Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем : (по материалам городов средней полосы РСФСР). М.: Наука, 1980. 148 с.
22. *Задорожная О. А.* Ведущие купеческие семьи городов Тобольской губернии (1785 – 1825) // Север России: стратегии и перспективы развития : материалы III Всероссийской науч.-практ. конф., Сургут, 26 мая 2017 г. : в 3 т. / отв. ред. О. В. Бодрова. Сургут, 2017. Т. 1. С. 203–207.
23. *Кузнецова О. А.* Семья в жизни делового человека: традиции, брак, дети (на материале губерний Верхней Волги середины XIX – начала XX века) // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 92. С. 30–38.
24. *Кусова И. Г.* Рязанское купечество: Очерки истории XVI – начала XX в. Рязань: Март, 1996. 157 с.
25. *Лернер Л. А.* Частная жизнь русского провинциального купечества в XIX в. (на примере Курской губернии) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Лернер Лариса Александровна. Курск, 2003. 212 с.
26. *Лобачева И. Н.* Брачные союзы представителей тульского купечества в 50-е гг. XIX века: альянсы и мезальянсы // Региональная история России в социокультурном измерении: образы прошлого и сохранение исторической памяти : материалы XI Международных Стахеевских чтений, Елабуга, 29 – 30 июня 2023 г. / сост. Р. Р. Жилкибаева, И. Е. Кропоткина, Л. Г. Насырова. Елабуга, 2023. С. 149–155.
27. *Лобачева И. Н.* Семья и частная жизнь русского купечества во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Тульской губернии) : монография. М.: ИНФРА-М, 2019. 227 с.
28. *Маслова И. В.* Менталитет провинциального купечества Российской империи в XIX – начале XX вв. (на материалах уездных городов Вятской губернии) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Маслова Инга Владимировна. Казань, 2011. 447 с.
29. *Мионов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократ. семьи, гражд. о-ва и правового государства : в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 548 с.
30. Тульская историко-культурная энциклопедия / [редкол.: Е. В. Симонова (отв. ред.) и др.]. Тула : Дизайн-коллегия, 2018. 751 с.

References

1. Goncharov, YuM 2002, *Gorodskaya semya Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* (Urban family of Siberia in the second half of 19th – early 20th century), AGU publ, Barnaul. (In Russ.)
2. *Gosudarstvennoye uchrezhdeniye «Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti» (GU GATO)* (State Archive of the Tula Region), fund 3, inventory 15, file 735. (In Russ.)
3. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 739. (In Russ.)
4. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 743. (In Russ.)
5. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 746. (In Russ.)
6. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 750. (In Russ.)
7. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 758. (In Russ.)
8. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 763. (In Russ.)
9. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 769. (In Russ.)
10. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 774. (In Russ.)
11. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 1247. (In Russ.)
12. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 1248. (In Russ.)
13. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 1258. (In Russ.)
14. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 1262. (In Russ.)
15. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 1263. (In Russ.)
16. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 1266. (In Russ.)
17. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 1267. (In Russ.)
18. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 1270. (In Russ.)
19. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 1275. (In Russ.)
20. Dyakov, VA 1967, *Deyateli russkogo i polskogo osvoboditel'nogo dvizheniya v tsarskoy armii 1856 – 1865 godov (bibliograficheskiy slovar)* (Figures of the Russian and Polish liberation movement in the Tsarist army of 1856 – 1865 (bibliographic dictionary)), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
21. Zhirnova, GV 1980, *Brak i svadba russkikh gorozhan v proshlom i nastoyashchem* (Marriage and wedding of Russian townspeople in the past and present), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
22. Zadorozhnaya, OA 2017, 'Vedushchiye kupecheskiye semyi gorodov Tobolskoy gubernii (1785 – 1825)' (Leading merchant families of the cities of Tobolsk province (1785 – 1825)), Sever Rossii: strategii i perspektivy razvitiya : materialy III Vserossiyskoy nauch.-prakt. konf. (The North of Russia: strategies and prospects of development : materials of the III All-Russian scientific and practical conf.), vol. 1, ed. O. V. Bodrova, 26 May, Surgut, pp. 203–207. (In Russ.)
23. Kuznetsova, OA 2009, 'Semya v zhizni delovogo cheloveka: traditsii, brak, deti (na materiale guberniy Verkhney Volgi serediny XIX – nachala XX veka)' (Family in a businessman's life: traditions, marriage, children (based on the materials of the Upper Volga provinces of the middle 19th - early 20th centuries)), *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 92, pp. 30–38. (In Russ.)
24. Kusova, IG 1996 *Ryazanskoye kupechestvo: Ocherki istorii XVI – nachala XX v.* (Ryazan merchants: Essays on the history of the XVI – early XX century), Mart publ, Ryazan. (In Russ.)
25. Lerner, LA 2003, *Chastnaya zhizn russkogo provintsial'nogo kupechestva v XIX v. (na primere Kurskoy gubernii)* (Private life of Russian provincial merchants in the 19th century (on the example of Kursk province)), PhD thesis, Kursk. (In Russ.)
26. Lobacheva, IN 2023, 'Brachnyye soyuzy predstaviteley tul'skogo kupechestva v 50-e gg. XIX veka: alyansy i mezalyansy' (Marital unions of Tula merchants in the 50s of the 19th century: alliances and mesalliances), *Regionalnaya istoriya Rossii v sotsiokulturnom izmerenii: obrazy proshlogo i sokhraneniye istoricheskoy pamyati: materialy XI Mezhdunarodnykh Stakheevskikh chteniy (Regional history of Russia in the socio-cultural dimension: images of the past and preservation of historical memory : materials of the 11th International Stakheev Readings)*, eds. R. R. Zhilkibaeva, I. E. Kropotkina, L. G. Nasyrova (ed.), 29 – 30 June, Yelabuga, pp. 149–155. (In Russ.)

27. Lobacheva, IN 2019, *Semya i chastnaya zhizn russkogo kupechestva vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (po materialam Tulskoy gubernii)* (Family and private life of Russian merchants in the second half of the 19th – early 20th century (on the materials of Tula province)), INFRA-M publ, Moscow. (In Russ.)
28. Maslova, IV 2011, *Mentalitet provintsialnogo kupechestva Rossiyskoj imperii v XIX – nachale XX vv. (na materialax uezdnykh gorodov Vyatskoy gubernii)* (Mentality of provincial merchants of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries (on the materials of district towns of Vyatka province)), doctoral thesis, Kazan. (In Russ.)
29. Mironov, BN 2000 *Sotsialnaya istoriya Rossii* (Social history of Russia), vol. 1, Dmitry Bulanin publ, St. Petersburg. (In Russ.)
30. Simonova, YeV 2018, *Tulskaya istoriko-kulturnaya entsiklopediya* (Tula Historical and Cultural Encyclopedia), Dizayn-kollegiya publ, Tula. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 08.12.2024
Одобрена после рецензирования: 21.12.2024
Принята к публикации: 21.12.2024

The article was submitted: 08.12.2024
Approved after reviewing: 21.12.2024
Accepted for publication: 21.12.2024